

На правах рукописи

Наградова Любовь Сергеевна

**КОНЦЕПТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ В ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО**

Специальность 10. 02. 01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Ярославль - 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка
ФГБОУ ВПО «Костромской государственной университет
имени Н.А. Некрасова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Мелерович Алина Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник Института
лингвистических исследований РАН РФ
Кругликова Людмила Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент
Болотова Светлана Константиновна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет»

Защита состоится 24 ноября 2011 года в 12 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.307.05 по защите диссертаций на соискание
учёной степени доктора и кандидата филологических наук при ФГБОУ ВПО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, Которосльская
набережная, д. 46 «В», ауд. 506.

Отзывы на автореферат присылать по адресу: 150000, г. Ярославль, ул.
Республиканская, д. 108.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108).

Автореферат разослан ____ октября 2011 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

В.А. Тихомирова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество Александра Николаевича Островского, драматурга и бытописателя, внёсшего значительный вклад в развитие всей отечественной культуры, на протяжении десятилетий было и неизменно остаётся в центре внимания исследователей. Важнейшие вопросы творчества А.Н. Островского освещены в работах А.И. Журавлёвой, Л.Р. Когана, В.Я. Лакшина, А.А. Лебедева, Г.П. Пирогова, А.И. Ревякина, Л.А. Розановой, А.Л. Штейна и др.

На современном этапе ведётся работа с целью систематизации знаний об А.Н. Островском. Исследованию языка пьес А.Н. Островского посвящены работы Н. П. Варзиной, Т.Н. Волковой, Н.С. Ганцовской (лексический аспект), А.Г. Ломова, В.Г. Масловой, А.М. Мелерович, М.А. Фокиной и др. (фразеологический аспект), а также Н.В. Глущенко, О.С. Горобец, И.В. Ивановой, Н.А. Коломлиной (с позиций теории текста), А.Ю. Садофьевой, Е.К. Созиной (лингвокультурологический аспект).

Последние разработки понятия «идиостиль» свидетельствуют о существенной значимости когнитивно-концептуального подхода в исследовании идиостиля писателя (В.П. Григорьев, В.В. Леденёва, Л.В. Миллер, И.А. Тарасова). Выявление, описание и систематизация концептов (концептосферы) художественного произведения позволяет раскрыть основные фрагменты и сквозные мотивы языковой картины мира автора и составляет одну из наиболее значимых сторон анализа языка художественного произведения как способа коммуникации¹. Психологическая достоверность характеров персонажей является авторским способом отражения действительности, который становится «исторической метафорой для категоризации последующих эпох»².

Фразеологическая единица (ФЕ) характеризуется образно-ситуативной мотивированностью, которая напрямую связана с мировидением народа³. В этой связи, детальному изучению в концептуальном аспекте подлежит богатство фразеологического фонда пьес А.Н. Островского-бытописателя, образный план фразеологических единиц. Категоризация ФЕ с позиций когнитивно-концептуального подхода позволяет реконструировать фрагменты картины мира драматурга, представив различные употребления ФЕ в многообразии их смысловых актуализаций в качестве системы тесно взаимодействующих средств, отобранных и преобразованных драматургом с целью реализации идейно-эстетического и концептуального содержания, в котором находят отражение как универсальные, базовые культурные ценности, специфика национального мировоззрения, так и индивидуальные картины мира персонажей и автора.

¹ Художественный текст рассматривается в качестве единого высказывания, или дискурса, – «коммуникативного события между креативным (производящим) и рецептивным (воспринимающим) сознаниями» (цит. по книге В.И. Тюпа. Анализ художественного текста. – М., 2006. – С. 300).

² Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988. - С. 22.

³ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996. - С. 214.

Актуальность исследования определяется неизученностью роли фразеологии в выражении концептуального содержания пьес А.Н. Островского и диктуется необходимостью раскрыть «глубинные» факторы, обуславливающие участие фразеологических единиц в создании идиостиля драматурга. Недостаточная разработанность методики комплексного анализа ФЕ в драматургическом жанре также обуславливает актуальность данного исследования.

Объектом настоящего исследования являются фразеологические единицы в пьесах А.Н. Островского.

Предмет исследования: концептообразующая функция ФЕ в пьесах А.Н. Островского.

В качестве одной из основных характеристик концептообразующего функционирования ФЕ в пьесах А.Н. Островского рассматривается **концептуальный потенциал**. Концептуальный потенциал может быть определен как динамический параметр фразеологической семантики, характеризующий способность фразеологических единиц выступать средством концептуализации явлений действительности. Реализация концептуального потенциала в художественном (драматургическом) дискурсе происходит в результате актуализации фразеологическими единицами признаков (категорий признаков), вступающих в различного рода взаимодействие и способствующих порождению концептуального смысла.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы (выборка 443 фразеологические единицы в 722 употреблениях) из пьес А.Н. Островского «Свои Люди - сочтемся» (1849), «Бедность не порок» (1853), «Воспитанница» (1858), «Гроза» (1859), «Грех да беда на кого не живет» (1862). Выбор этих пьес не случаен. В данных пьесах, с одной стороны, находят выражение ключевые для творчества драматурга темы и мотивы; с другой стороны, заключён обширный фонд фразеологических употреблений, открывающий горизонты для основательного изучения различных функций фразеологии драматурга, и в первую очередь – концептообразующей функции. В качестве отправной точки комплексного (в перспективе - хронологического) анализа были выбраны пьесы раннего периода творчества А.Н. Островского.

Цель работы состоит в выявлении особенностей концептообразующего функционирования фразеологизмов в пьесах А.Н. Островского.

Поставленная цель определяет конкретные **задачи исследования:**

1. установить фразеологический состав пьес А.Н. Островского;
2. охарактеризовать концептуальный потенциал фразеологии в пьесах;
3. выявить концепты, репрезентируемые посредством фразеологических единиц в пьесах А.Н. Островского;
4. рассмотреть особенности семантики, структуры и функционирования ФЕ, репрезентирующих концепты в пьесах А. Н. Островского;
5. описать структуру и смысловое наполнение концептов, репрезентируемых посредством ФЕ в пьесах;
6. классифицировать выявленные концепты в соответствии со степенью отраженности в них индивидуально-авторского и национального сознания;

7. реконструировать соответствующие этим концептам фрагменты картины мира драматурга;
8. установить характер дискурсивного варьирования национально-культурных концептов в пьесах А.Н. Островского;
9. определить способы создания концептуальных связей посредством фразеологизмов и факторы, обуславливающие порождение концептуального смысла фразеологическими единицами в пьесах.

Научная гипотеза. Фразеологические единицы в пьесах А.Н. Островского репрезентируют базовые концепты русской культуры и концепты, являющиеся ключевыми для пьес драматурга. Порождение концептуального смысла посредством фразеологии в пьесах обусловлено внутренними и внешними факторами, выявление которых с учётом полифункциональности фразеологизмов служит раскрытию основных черт идиостиля А.Н. Островского.

В работе используются следующие **методы и приёмы исследования:**

1. метод контекстуального анализа, используемый при а) идентификации ФЕ в контексте, разграничения ФЕ и свободных словосочетаний, б) исследовании реализации семантики ФЕ в условиях того или иного микро- и макроконтекстов;
2. метод компонентного анализа ФЕ, позволяющий обнаружить в составе фразеологического значения минимальные семантические элементы – семы;
3. метод аппликации (В.П. Жуков), при котором целостное значение ФЕ сопоставляется с лексическими значениями слов, входящих в омонимичное свободное словосочетание;
4. дистрибутивный метод, позволяющий раскрыть особенности лексико-синтаксической и лексико-семантической сочетаемости ФЕ;
5. описательный метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления, обобщения и классификации анализируемого материала.

Методологическая база исследования. В основу избранного нами когнитивно-концептуального подхода к исследованию фразеологизмов, выступающего в синергетическом единстве со структурно-семантическим подходом, были положены методы и приёмы семантико-когнитивного анализа, представленные в работах З.Д. Поповой, И.А. Стернина⁴, а также в работах В.А. Масловой, Ю.С. Степанова и др.⁵; методы и приёмы лингвистического и филологического анализа художественного текста (Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, Н.А. Николина, Л.В. Поповская (Лисоченко) и др.).

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

⁴ Попова З. Д., Стернин И. А.. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.

⁵ Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2008; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997; Антология концептов / Под. ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. - М., 2007.

- описаны свойства фразеологических единиц, определяющие характер их участия в выражении идейно-концептуального содержания пьес А.Н. Островского;
- определены механизмы концептообразования, обусловленные полифункциональностью фразеологии в пьесах А.Н. Островского;
- разработана методика анализа фразеологических единиц, репрезентирующих концепты в драматургическом тексте, основанная на выделении базовых концептов культуры и концептов, являющихся ключевыми для пьес драматурга;
- выявлено национально-культурное и индивидуально-авторское своеобразие способов фразеологической концептуализации действительности в пьесах А.Н. Островского;
- реконструированы основные фрагменты картины мира, нашедшей отражение в пьесах драматурга посредством фразеологии;
- выявлены характерные черты идиостиля А.Н. Островского, проявляющиеся в специфике взаимодействия различных функций фразеологических единиц в пьесах.

Исследование концептообразующей функции фразеологизмов в пьесах А.Н. Островского основывается на поэтапном, ступенчатом анализе, предполагающем комбинированный подход и учитывающем комплекс факторов концептообразования.

Первый этап анализа включает следующие ступени: 1. Установление идейно-тематической направленности пьес, значения творчества драматурга в контексте национальной культуры. 2. Выявление фразеологического состава текстов пьес и идеографическая классификация фразеологизмов с целью выявления их концептуального потенциала (определения доминирующих категорий признаков, раскрывающих характер антропономии). 3. Анализ текстообразующего функционирования фразеологии, в ходе которого выявляются механизмы концептообразования - факторы, обуславливающие порождение фразеологизмами концептуального смысла, и способы создания концептуальных связей посредством фразеологических единиц в тексте.

Второй этап анализа ориентирован на описание концептосферы пьес. Исследуются особенности репрезентации посредством фразеологических единиц базовых концептов культуры (1) и концептов, являющихся ключевыми для рассматриваемых пьес (2). Описание концептов базируется на выявлении концептуальных доминант – фразеологизмов, имеющих в своём составе лексемы, именующие концепты, и косвенных репрезентант, характеризующих отдельные признаки концептов. Этот этап объединяет методы структурно-семантического, семантико-когнитивного и контекстуального анализа.

Третий этап служит выявлению механизмов взаимодействия концептообразующей, жанрообразующей и стилеобразующей функций фразеологизмов. Основу его составляет описание особенностей формирования художественного образа на базе анализа когнитивных и прагматических свойств фразеологизмов; раскрываются характерные черты идиостиля: многомерность художественного образа, его структурная организация и

динамика, а также способы создания концептуальных связей посредством фразеологии с учётом специфики взаимодействия выполняемых ею функций.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии когнитивно-концептуального подхода к исследованию фразеологии в художественном тексте, а также комплексного анализа фразеологических единиц в жанре драмы, основанного на их свойстве полифункциональности. Исследование вносит вклад в изучение способов варьирования национальной картины мира в художественном дискурсе, а также в изучение особенностей фразеологических конфигураций, их семантики и структуры.

Практическая ценность: материалы исследования могут быть использованы при составлении идеоглоссария А.Н. Островского; основные положения диссертации могут найти применение в разработке вузовских курсов стилистики, лингвокультурологии, интерпретации художественного текста, в спецкурсах и спецсеминарах по творчеству А.Н. Островского.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фразеология в пьесах А.Н. Островского выступает как важнейшее средство языкового отражения картины мира автора. Фразеологизмы отражают различные признаки действительности, которая антропоцентрична по представленным в ней категориям и антропометрична по характеру их отражения. В доминирующих категориях признаков, характеризующих ФЕ, раскрывается концептуальный потенциал фразеологии в пьесах А.Н. Островского.

2. Фразеологизмы в пьесах А.Н. Островского порождают концептуальный смысл, который реализуется как в рамках фразеологических конфигураций, так и в пределах целых разделов пьес / в ряде пьес в синтагматических и парадигматических связях ФЕ. К внутренним факторам, обуславливающим порождение фразеологизмами концептуального смысла в пьесах, относятся полипризнаковость ФЕ как сложных семантических знаков, признаковая иерархичность, различный характер взаимодействия признаков, метафорическое основание признаков; внешним фактором выступает взаимодействие различных функций фразеологизмов в пьесах.

3. Характерными чертами фразеологизмов в пьесах А.Н. Островского являются тенденция «задавать» концепт для интерпретатора, указывая на него извне посредством звуковой оболочки, а также формировать имплицитные концептуальные связи посредством актуализации гиперсем. Эти черты фразеологизмов обуславливают выделение двух основных типов репрезентант, служащих установлению номинативных полей концептов, - концептуальных доминант и косвенных репрезентант концептов.

4. Среди концептов, репрезентируемых посредством фразеологизмов в пьесах А.Н. Островского, выделяются базовые концепты русской культуры - «Душа», «Тоска», «Воля», и концепты, являющиеся ключевыми для пьес драматурга - «Самодурство», «Корысть, Расчёт». Классификация концептов основывается на структурно-семантических особенностях и частотности репрезентант концептов, а также на типах и частотности признаков, служащих формированию структуры концептов.

5. Концепты, репрезентируемые посредством фразеологии в пьесах А.Н. Островского, характеризуются разветвленностью или размытостью категориальной структуры, степенью насыщенности образных макрокомпонентов. Отмечается тенденция к производности ключевого концепта от национально-культурного (концепты «Самодурство» и «Воля»), а также двойственный характер концептуализации (концепт «Корысть, расчёт»).

6. Сквозные концептуальные образы - душа, сердце, выявляемые при анализе концептов «Душа», «Тоска» в пьесах А.Н. Островского, раскрывают высокую значимость эмоций и чувств для русского человека, тонкую и, вместе с тем, сложную организацию его внутреннего мира, ярко выраженную его склонность к рефлексии. Ключевые концепты в сопоставление с базовыми концептами в пьесах драматурга позволяют реконструировать собирательный образ человека, который в динамике своего функционирования – развёртывания в ментальном пространстве интерпретатора – обнаруживает антисоциальные черты и оказывается отчасти растворённым в мире материального.

7. Особенности дискурсивного варьирования национально-культурных концептов в пьесах А.Н. Островского проявляются в репрезентации посредством ФЕ типичных (константных) и частных признаков концептов. Наблюдаются также следующие тенденции, характеризующие черты индивидуально-авторской концептуализации: а) акцент на разнообразии частных проявлений характера при концептуализации социальных отношений посредством фрейма, отражающего модель ситуации-состояния: оппозицию субъекта (активного, властвующего, подчиняющего типа) и объекта (пассивного и/или подчинённого типа); б) усиление рационально-практической оценки человеческих качеств и взаимоотношений, жизненных явлений, событий.

8. Способы создания концептуальных связей посредством ФЕ в пьесах А. Н. Островского, служащие реализации концептуального потенциала фразеологии, определяются её полифункциональностью. Характер взаимосвязи различных функций фразеологических единиц в пьесах А.Н. Островского отражает особенности идиостиля драматурга, отличительной чертой которого являются яркие концептуальные образы, порождаемые дискурсивной природой фразеологизмов и взаимодействующие с художественными образами, создаваемыми за счёт авторского употребления фразеологии в составе различных типов конфигураций, служащих средством речевой характеристики персонажей, а также за счёт семантических и структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц, превращающих мир персонажей в самостоятельно функционирующую реальность, при этом неподражаемую по своим художественным свойствам.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре русского языка Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Основные положения диссертации излагались в докладах на всероссийских и международных научно-практических конференциях «Диалог культур – культура диалога» (Кострома, 2007 г.), «Духовно-нравственные основы

русской литературы» (Кострома, 2007 г.), «Современные проблемы социально-гуманитарных наук» (Кострома, 2007 г.), «Фразеология и когнитивистика» (Белгород, 2008 г.). По теме диссертации опубликовано 10 статей, четыре из которых вошли в издания, рекомендованные ВАК⁶.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографического списка и приложения, включающего алфавитный перечень фразеологии пьес, составившей выборку.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы; формулируются цель и задачи работы; определяются объект, предмет и методы исследования; раскрываются научная новизна работы, её теоретическая и практическая значимость; формулируются основные положения диссертации, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации «Основы когнитивно-концептуального подхода к исследованию фразеологизмов в пьесах А.Н. Островского» рассматриваются идеи, темы и мотивы пьес А.Н. Островского и основные свойства фразеологических единиц как средств концептуализации, а также принципы исследования фразеологии как средства выражения концептуального содержания пьес драматурга.

Первый параграф посвящён рассмотрению идейно-тематической направленности пьес А.Н. Островского, важнейших черт, принципов его творчества, среди которых реализм (правдивость характеров), нравственно-воспитательная направленность в сочетании с подвижностью этической оценки, единство, целостность и ясность смыслового содержания и языковой формы. В центре внимания пьес - характеры и нравы. Универсальность семейно-бытовых и социально-психологических проблем сочетается с глубокой самобытностью. При этом важное место в пьесах занимает тема самодурства, мотив власти денег, нравственные стороны личности, религиозная тема греха. Контрасты и самобытность национального характера, духовность как имманентное свойство русской культуры отражены сквозь мысли, чаяния и чувства простого народа.

Во втором параграфе раскрываются свойства фразеологических единиц как средств концептуализации, а также факторы, определяющие специфику исследования фразеологизмов, выражающих концептуальное содержание художественного произведения. Фразеологическая единица (фразеологизм, фразеологический оборот, устойчивое сочетание, устойчивый оборот) – это «раздельнооформленная языковая единица, которая является устойчивым, полностью или частично семантически преобразованным сложным знаком»⁷. Особенности национального и индивидуального мировосприятия (мировосприятия писателя) передаются компонентами семантической структуры ФЕ, «единством ее основных составляющих: фразеологического

⁶ См. список публикаций.

⁷ Мелерович А.М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома, 2008. – С. 23.

значения и внутренней формы, образной основы, в которую инвариантное значение ФЕ кодируется языковым сознанием»⁸.

Адекватной интерпретации концептуального содержания художественного текста служит установление характера взаимосвязи двух аспектов содержания художественного произведения – интенций автора, принадлежащих сфере индивидуального и требующих более глубокого осмысления, и культурно обусловленного смысла, выявляемого на основе устоявшихся концептуальных представлений, культурных стереотипов, но также не исключающего фактор индивидуальности. В этой связи важно учитывать характер репрезентации языковыми средствами «культурных констант»⁹ или «культурных концептов» («Душа», «Тоска», «Воля», «Удаль»).

Характер репрезентации посредством фразеологии национальной и индивидуальной картин мира в художественном произведении обусловлен внутренними свойствами фразеологизмов как «хранителей» культурной информации (В.Л. Архангельский, В.А. Маслова, В.Н. Телия и др.) и смыслообразующей ролью ФЕ (Н.Ф. Алефиренко, В.М. Мокиенко и др.).

Когнитивно-концептуальный подход к исследованию фразеологизмов в пьесах А.Н. Островского предполагает интерпретацию семантики ФЕ как единиц культурного и в то же время художественного языкового кода, заключающего в себе национальные реалии, идеи и ценности, представленные с определённых мировоззренческих позиций. При этом существенное место отводится лежащим в основе фразеологизмов образам, на базе интерпретации которых реконструируются фрагменты фразеологической картины мира автора.

В **третьем параграфе** отражена идеографическая классификация фразеологических единиц в пьесах А.Н. Островского, обнаруживающая акцентированные элементы антропоцентрической картины мира в пьесах, а также некоторые особенности квалификации этих элементов.

Категоризация признаков, характеризующихся посредством фразеологизмов, образующих фразеосемантические поля, выявляет доминирование категорий признаков эмоции и чувства, жизненные ситуации, внутренние морально-психические свойства человека.

Идеографическая классификация представляет собой этап комплексного анализа семантики фразеологизмов, включающий интерпретацию концептуального потенциала фразеологии. Общими характеристиками концептуального потенциала являются свойственная фразеологизмам полипризнаковость, признаковая иерархичность, различный характер взаимодействия признаков, метафорическое основание признаков. Частными характеристиками концептуального потенциала являются доминирование

⁸ Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Межъязыковые фразеологические корреляты и языковая картина мира // Картины мира в славянских языках: материалы международного научного симпозиума (Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 24–26 марта 2009 г.) – М., 2009. – С. 275.

⁹ Термин заимствован у Ю.С. Степанова. См.: Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.

категорий признаков эмоции и чувства, жизненные ситуации, внутренние морально-психические свойства человека, категории ФЕ с общими лексическими компонентами (в особенности с компонентом *душа*), а также опосредование внутренними и внешними признаками друг друга. Частные характеристики концептуального потенциала служат его раскрытию, в то время как общие характеристики выступают внутренними факторами, обуславливающими порождение концептуального смысла посредством фразеологизмов в пьесах А.Н. Островского.

В четвёртом параграфе выявляются способы создания концептуальных связей посредством фразеологизмов в текстах пьес А.Н. Островского на базе исследования фразеологических конфигураций.

В текстах пьес А.Н. Островского фразеологические единицы выступают смысловыми доминантами, концентратами идей-оценок, находясь в сильной позиции (пословичные заглавия в сопоставлении с драматическим действием или важнейшие смысловые звенья фразеологических конфигураций), что обуславливает порождение ими концептуального смысла.

Реализации концептуального потенциала фразеологии служит трансформация фразеологического образа в концептуальный под воздействием процессов текстообразования, что составляет фактор, обуславливающий порождение концептуального смысла. При этом, способами создания концептуальных связей выступают процессы текстообразования с участием фразеологических единиц, рассматриваемые в качестве условий, при которых происходит порождение концептуальных связей: употребление ФЕ в составе фразеологической конфигурации, реализующей её метафорический контекст; образование смысловых повторов за счёт синонимичного или антонимичного употребления ФЕ; нанизывание ФЕ.

Фразеологический образ, не только порождает концептуальный образ, концептуальный смысл, но и служит воплощением мотивов драмы, становится основой выражения авторской позиции в пьесах, что служит показателем его полифункциональности, указывает тесную взаимосвязь различных функций фразеологизмов.

Реализация концептуального потенциала фразеологизмами в пьесах А.Н. Островского сопряжена с текстообразующей, жанрообразующей, стилиобразующей функциями ФЕ и обусловлена дискурсивной природой ФЕ (при понимании ФЕ как сложных семантических знаков со структурой микротекста, в основе которых лежат культурно-обусловленные представления). Комплексный анализ семантики фразеологических единиц, включающий исследование характера взаимосвязи выполняемых фразеологизмами функций, служит выявлению идейно-концептуального содержания, а также способов и приёмов его передачи.

Вторая глава «Особенности функционирования фразеологических единиц, репрезентирующих базовые концепты русской культуры в пьесах А.Н. Островского» посвящена исследованию концептов «Душа», «Тоска» и «Воля». Характерными чертами базовых концептов являются сравнительно высокая частотность фразеологизмов с общим компонентом, именуемым

концепт культуры - концептуальных доминант; наличие когнитивных признаков, обеспечивающих устойчивость, константность концепта в национальной культуре.

В первом параграфе данной главы рассматривается концепт «Душа» с точки зрения особенностей его репрезентации посредством фразеологизмов. Данный концепт имеет разветвлённую структуру, анализ которой позволяет отметить стремление к более детальной концептуализации посредством фразеологии эмоций и чувств, составляющих важную часть духовной жизни персонажей пьес А.Н. Островского.

Существующие в русской культуре представления о душе отражаются в образно-логическом осмыслении языковых средств, объективирующих соответствующий культурный концепт, и составляют типичные признаки концепта «Душа», репрезентируемого посредством ФЕ в пьесах А.Н. Островского: 1) душа играет центральную роль в системе внутреннего мира человека, при этом её смысловой парой, выполняющей подобную функцию, является сердце; 2) душа участвует в эмоциональной, ментальной и речевой деятельности человека, с её помощью строятся отношения между людьми; 3) на душе локализованы человеческие грехи; 4) уподобляемая живому существу душа наделена разумом и волей¹⁰; 5) душа – alter ego человека, его внутреннее я¹¹.

Исследование структуры концепта «Душа», репрезентируемого в пьесах А.Н. Островского посредством фразеологии с яркой образностью, на базе контекстуально-семантического анализа фразеологических единиц позволяет установить характер дискурсии образов персонажей и реконструировать фрагмент картины мира драматурга, центром которого является концептуальный образ души, взаимосвязанный с образом сердца. Душа выступает источником и одновременно носителем/обладателем/выразителем эмоций, чувств, мыслей, желаний, воли (*поверьте душе моей, душа не принимает, как (его) душе угодно*). Взаимодействие ценностных категорий Душа и Любовь воплощается в сценарии: душа служит источником, сферой рождения любви (*полюбил душою*), которая, в свою очередь, побуждает душу к смене локализации (*души (в ней) не чаял*; ср. также сочетание вокативных ФЕ в речи Катерины *жизнь моя, душа моя*) и, превосходя её по ценностной значимости (*больше души своей люблю*), приводит к тому, что душа оказывается отстраняемой (*за тебя) душу положу*), это состояние души, согласно сюжетам пьес А.Н. Островского, становится предпосылкой греха, несчастья (что раскрывается при соотнесении фразеологизмов, представляющих концептуальные доминанты, с сюжетами пьес «Бедность не

¹⁰ См. типичные признаки концепта «Душа», восходящие к представлениям современного, а также древнерусского периода (на материалах летописей): Кондратьева О. Н. Душа. Сердце. Ум. // Антология концептов. – М., 2007. – С. 60-68; также Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Минск, 2008. – С. 222-228; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – С. 569.

¹¹ См., например, описание смыслового наполнения концепта русской культуры «Душа», а также иллюстрацию данного признака (*мелкая душа; чуткая душа; грешная душа* и т. п.) у Масловой В. А. (2008) - С. 226.

порок», «Грех да беда на кого не живет»). Соотношение ценностных категорий Душа и Грех находит отражение в представлении о грехе как о весе, который извне оказывает воздействие на душу (*[грех] камнем ляжет на душу*). Душа не только уподобляется живому существу, но и отождествляется с человеком как обладателем противопоставленных качеств: с одной стороны, человек противопоставляется миру вещей (*живая душа*), с другой стороны, уподобляется этому миру по ассоциации с деятельностью, родом занятий или в связи с его крайне малой значимостью, бесполезностью (*чернильная душа-с!; купоросная душа!*). Душа не только как сфера мышления, но и, в целом, как сущность человека представляет загадку – этот признак души воплощает у Островского восприятие друг другом сторонников старого жизненного уклада и тех, чьи душевные устремления выступают предвестниками перемен (ср. употребление в речи купчихи Кабановой поговорки *Чужая душа потемки*, характеризующей Катерину, и восходящий к той же ФЕ оборот *Нешто ты мою душу можешь знать!*, выражающий позицию купца Дикого в отношении к местным жителям).

Изучение в рамках концептуального анализа парадигматических связей, образуемых ФЕ в различных употреблениях, послужило установлению внутренних (обусловленных свойствами и качествами характера персонажа) и внешних (условий/ситуаций) факторов, порождающих различные чувства, эмоции, состояния персонажей, либо составляющих необходимый фон для этих состояний. Так, *истерзанная* или *надорванная* от разлуки с любимым душа знаменует психологическое состояние, возникающее в результате осознания невозможности быть вместе с возлюбленной или возлюбленным. Например, в следующем контексте посредством фразеонабора находит выражение свойственная героине способность и склонность к рефлексии, интеллектуальной оценке своего положения: [*Любовь Гордеевна:*] (*подходит к Мите.*) *Нет, Митя, не бывает этому! Не томи себя понапрасну, перестань! (Поднимает его.) Не надрывай мою душу! И так мое сердце все изныло во мне. Поезжай с Богом. Прощай! <...> Хоть я, может быть, сердце свое надорвала через это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мне в глаза насмеяться не смеет. Прощай! (Целуются.)*¹².

Персонификация души, а также ассоциации, связанные с действиями, «совершаемыми» душой или «над» нею, раскрывают «хрупкость», чувствительность, ранимость русской души, тонкую организацию внутреннего мира персонажей А.Н. Островского.

Во **втором параграфе** рассматриваются особенности репрезентации концепта «Тоска» посредством ФЕ в пьесах А.Н. Островского.

Классификация концепта «Тоска» в пьесах как базового концепта русской культуры определяется репрезентируемыми посредством ФЕ константными признаками этого концепта. Тоска представляет собой сгусток эмотивных смыслов¹³, в силу чего концепт отличается высокой степенью размытости структуры. В содержании концепта тоска выделяются смыслы

¹² Островский А. Н. «Бедность не порок», действие 3, явление 6.

¹³ См.: Димитрова Е. В. Тоска // Антология концептов. – М., 2007. – С. 198.

‘томление’, ‘грусть’, ‘печаль’, ‘скука, обусловленная отсутствием дела’, ‘уныние’, ‘тревога’, ‘тоска по родине’, ‘тоска по любимым, близким людям’¹⁴. Противоречивые представления о тоске выражаются в следующих признаках концепта: с одной стороны, в тоске есть надежда¹⁵, тоска связана с желанием изменить ситуацию; с другой - тоска беспричинна, она сближается с отчаянием, в результате, с тоски русский человек может запить¹⁶. Тоска ассоциируется с ощущением тесноты, узости (ср. у Островского оборот (*сиди в четырех стенах*)); со стесненным материальным положением; со страхом¹⁷.

Тоска как сложное, полигамное/разнотональное по своей сущности чувство, эмоциональное состояние осмысливается в пьесах А.Н. Островского в причинах, её порождающих, и факторах, её сопровождающих. Так, тоска зарождается в душе из-за постоянного ограничения свободы, желаний (тоска ≈ муки неволи (*[Варвара:] Хоть умирай с тоски*)) и, в результате, выливается в чувство отчаянного протеста, отказ мириться с существующими условиями (ср. усиление семантики фразеологических оборотов в линейном употреблении: *[Катерина:] <...> уж коли очень мне здесь опостынет, в окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!; Будь что будет!*).

В теснейшем взаимодействии реализуются концептуальный образ тоски и художественный образ Катерины, являющейся центральным персонажем пьесы «Гроза». Тоска - основной мотив поступков Катерины, раскрывающихся в её речевом поведении посредством фразеологических единиц, которые представлены в 79 употреблениях, репрезентирующих различные признаки и смысловые составляющие концепта «Тоска»: ностальгия; тоска по любимому человеку; смысловые оттенки тоски: печаль (*[Катерина:] Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску!*); тревога (часто выражаемая посредством аффективов: *батюшки мои!*; *беда моя!*); надежда; уныние; отчаяние; страх/благоговейный страх (ср. словосочетание *упаду на колена*); ассоциации тоски с темнотой, одиночеством (ср. употребления ФЕ в монологах Катерины: *просвету себе не вижу*; *наша сестра*; в том числе вокативов, выражающих обращение к силам природы: *ветры буйные*), со смертью (*люблю до смерти*; *до смерти боюсь*); *смерть моя!*; *до гробовой доски*); невербальное выражение тоски (ср. ФЕ с компонентами соматизмами в авторских ремарках: *покачав головой*; *падает на колени*; *во весь голос*). При этом, ФЕ, образующие семантические связи с другими фразеологизмами (фразеонаборы) и свободными словосочетаниями, служат выражению единого концептуального содержания.

Третий параграф диссертации посвящен исследованию особенностей репрезентации концепта «Воля» посредством ФЕ в пьесах А.Н. Островского.

¹⁴ Димитрова Е. В. Тоска // Антология концептов. – М., 2007. – С. 199.

¹⁵ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – С. 678.

¹⁶ Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Минск, 2008. – С 228 - 232.

¹⁷ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – С. 674.

В пьесах А.Н. Островского типичными признаками концепта «Воля», раскрывающими его константность, выступают следующие: 1) воля – это состояние не нахождения в подчинении; 2) воля – это положение, характеризующееся отсутствием границ или правил, условий; 2) воля сопоставляется с умом; 3) воля по своему смысловому содержанию переплетается со свободой, в отличие от которой обнаруживает себя в сфере психики (имеет отношение к душе: *Дайте душе простор – разгуляться хочет!*); отношение воли к сфере сознания проявляется в смысловых оттенках ‘желание’, ‘цель’, ‘власть’; 4) воля предполагает бедность; 5) воля ограничена во времени¹⁸.

Общие для различных персонажей представления о воле раскрывают ведущие признаки концепта «Воля», репрезентируемого посредством ФЕ. В основе представлений о воле лежит оппозиция «объект (воли) – субъект (воли)», отражающая тип отношений в условиях социальной дифференциации. Воля концептуализируется как *своя/не своя*, что обусловлено восприятием персонажами пьес А.Н. Островского воли как состояния, в котором они испытывают острую потребность. Такое восприятие воли складывается из двух основных типов представлений - воля «не своя» (1) = ‘неволя’ и воля «своя» (2) = ‘свобода’/‘власть’, соотносимых с рядом стереотипов поведения. Воля «не своя» = ‘неволя’ соотносится с покорностью, послушанием, неуклонным следованием общественным и внутренним моральным установкам, отсутствием самостоятельности в поступках. Так, воля «не своя» предполагает недоступность для матери возможности принять решение, в силу патриархальности её взглядов и моральных установок, убежденности в своей бесправности, отсутствия силы духа, следствием чего становится причинение ненамеренного вреда, ограничение личной свободы дочери, обречение ее на тяжелую, безрадостную жизнь; таким образом, возникает цепочка событий, в которой одна неволя порождает другую: [*Пелагея Егоровна:*] **не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нешто б я отдала!** <...> *да говорю ж я тебе, что не моя воля*¹⁹.

В пьесах А.Н. Островского выбор способов и средств концептуализации воли тесно связан с социальной принадлежностью персонажей, что находит отражение в признаках воли. Помещичья воля (власть), соотносимая с типом представлений воля «своя» = ‘власть’, проявляемая в манипуляции «объектом воли», управлении чужой жизнью, характеризуется объемом и протяженностью, способностью распространяться (ср. *ваша воля во всем; на все ваша воля-с; [на всех] свою заботливость простирают*²⁰). В представлениях простонародного, купеческого сословий обнаруживается тесная взаимосвязь воли и ума, проявляющаяся в том, что человек,

¹⁸ См. данные элементы смыслового наполнения концепта воля в следующих работах: Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – С. 313-318; Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Минск, 2008. – С. 184-185; Катаева Н.М. Воля // Антология концептов. – М., 2007. – С. 34-43.

¹⁹ Островский А. Н. «Бедность не порок», действ. 3, явл. 5.

²⁰ См. данные обороты в речи Нади, Гриши, Василисы Перегриновны в контексте пьесы «Воспитанница».

неспособный разумно мыслить, не может вести самостоятельную, сознательную жизнь - «жить своей волей»: [Кабанова:] (Тихону) *такие дурацкие мысли в голове держишь <...> а ты еще хочешь своей волей жить*²¹. Воля «своя» = 'свобода' связывается не с умом, способностью разумно мыслить, но и с возможностью самому управлять своей судьбой (вольный казак), пространственной свободой, свободой передвижения (вольная птица).

«Воля» - по своим ведущим признакам концепт социальный, соотносимый со стереотипами поведения, определяемыми социокультурными установками, в силу чего рационально осмысливаемые признаки в нём доминируют над отвлечённо-образными представлениями.

Исследование особенностей репрезентации посредством ФЕ в пьесах А.Н. Островского базовых концептов русской культуры позволяет отметить черты как индивидуального, так и общенационального мировосприятия, нашедшего отражение в особенностях концептуализации эмоций, чувств и жизненной позиции персонажей и автора. Связь концептообразующей и жанрообразующей функции ФЕ в значительной степени обусловлена способностью фразеологических единиц к образной передаче интенций, мотивов персонажей, служащей разворачиванию сюжета пьес.

В **третьей главе** «Особенности функционирования фразеологизмов, репрезентирующих ключевые концепты пьес А.Н. Островского» рассматриваются концепты «Самодурство» и «Корысть, расчет». Характерными чертами ключевых концептов являются высокая частотность косвенных репрезентант, служащих выражению идейно-тематических доминант в пьесах; сложность, многоплановость и окказиональность когнитивных образов, составляющих образные макрокомпоненты концептов, детальность образной концептуализации.

Первый параграф посвящен исследованию концепта «Самодурство». Данный концепт не имеет системных номинативных полей и представлен субъективными авторскими, косвенными номинациями или в виде описания отдельных признаков концепта.

Самодурство в пьесах А.Н. Островского представляется как тип социальных отношений, определяемых различием ценностных установок. Концепт «Самодурство» имеет признаки производности от концепта «Воля», базовым среди которых является оппозиция «объект (воли) – субъект (воли)». При этом в рамках концепта «Самодурство» данная оппозиция реализуется в комплексе смысловых связей и ассоциативных образов, нередко образов-символов, упорядочиваемых в многослойную структуру - модель, представленную когнитивными метафорами, которые, с одной стороны, относительно устойчивы и потому стёрты в сознании носителя языка в обыденном употреблении, с другой стороны, выступают в пьесах в своеобразном сочетании, благодаря которому обретают особую изобразительную выразительность.

²¹ Островский А. Н., «Гроза», действие 1, явление 5.

Исследование парадигматических связей ФЕ позволило выявить и описать макроструктуру концепта, компонентами которой являются образный компонент (33%), информационное содержание (5%), интерпретационное поле (62 %).

Образ «субъекта воли» строится на основе ассоциативных связей с категориями Тело, Пространство, образом зверя как сущности, противопоставленной человеку, а также образами символического характера – воющего волка, символизирующего состояние тоски, гроба, символизирующего смерть, безжизненное состояние (ощущение безжизненности); процессуальными образами - процессом употребления в пищу, обречением на смерть. Частям тела «субъекта воли» придаётся важность: нога и рука символизируют подчинение и власть и наряду с его душой наделяются признаками живого существа, представляемые выразителями эмоций, желания, воли (*под сердитую руку попалась; Чего моя нога хочет?*). Глаза служат средством зрительного контроля: субъект воли стремится держать строго в поле своего зрения как действия, поступки, так и физические состояния объекта власти. *Хоть умирай, да при нем, у него на глазах*). В то же время «субъект воли» фокусирует внимание на частях тела «объекта воли», выражая команды, ассоциируемые с резкими действиями, направленными на разрушение/повреждение, изъятие (зарубить, выкинуть: *на носу (себе) заруби; выкини из головы [эти глупости]*). Власть «субъекта воли» соотносится с пространством: «субъект воли» ограничивает или отводит наименьшее пространство для «объекта воли» (*проходу не дает; по ниточке ходили*); для действий самого «субъекта воли» пространство представляется неограниченным, его власть распространяется на труднодоступные пространства (*на дне моря (сыщет)*). Образы, связанные с пространством характерны для концепта «Самодурство», широко представлены в нём, что является ещё одним показателем производности данного концепта от «Воли», признаки которого - протяженность воли и территориальная свобода - эволюционируют в рамках концепта «Самодурство» за счёт появления новых, дополняющих смыслов. Угнетение «объекта воли» ассоциируется с процессом употребления его в пищу жадно или на свой вкус (*поедом ест; хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю*).

Информационное содержание концепта составляют признаки «приоритет собственного желания» (*поставлю на своем*); «абсолютная субъективность решений» (*как (им) вздумается*); «недопустимость уступок, компромисса» (*разве (с ним) сговоришь*). В рамках интерпретационного поля концепта выделяются оценочная и паремиологическая зоны. Доминирующее количество ФЕ (94%), репрезентирующих концепт «Самодурство», несет в себе отрицательную, нравственную оценку. Эти ФЕ, как правило, характеризуют поведение самодура, которому свойственны манера принимать гордый вид в знак своего превосходства (*важность на себя напустит*); потеря самообладания (*из себя выходят*); суровость, грубость (*крутой характер*) и др. качества. Паремиологическая зона объединяет когнитивные признаки, отражающие связь данного концепта с бытом и культурой русского народа в

эпоху патриархальных устоев, в частности главенствующее положение мужчины в семье, отношение к женщине как к собственности, суровость обращения с ней: *Жену бей, так щи вкусней; Бей шубу, будет теплее, а жену - будет умнее; Знай сверчок свой шесток!*).

Образ «субъекта воли» - самодура, противопоставленный образу «объекта воли», представляет наиболее объёмный, детальный концептуальный образ в картине мира А.Н. Островского. Раскрываясь в дискурсии образов персонажей, он обретает самоценность, составляя собственно идейно-концептуальное содержание пьес, являясь ключевым образом в драматургии А.Н. Островского.

Второй параграф посвящен рассмотрению особенностей фразеологической репрезентации концепта «Корысть, расчёт». В рамках макроструктуры концепта наиболее отчетливо проявляется образный компонент (65 %) и интерпретационное поле (35 %, из которых 19,2% - паремии). Доминирующее место образного компонента определило первостепенное значение анализа внутренней формы.

Концептуализация корысти, расчёта в пьесах А. Н. Островского, подобно концептуализации самодурства, осуществляется посредством комплекса разнообразных образов, упорядочиваемых в иерархическую систему. Характерным отличием этого комплекса образов является их ярко проявляющаяся связь с материальным миром. Соматические образы предстают здесь в иной функции. Акцентируется хватательная функция рук. Руки имеют большую вместительность: в них средоточивается захваченное (имплицитный смысл частотной ФЕ *все в наших руках*); выгода представляется стремлением поместить что-либо на поверхность руки (*(кому) на руку*). Другие части тела, приспособленные для захвата – зубы, губа – наделяются разумом и физическим состоянием - чувством голода, ассоциирующимся с жадностью, стремлением к поглощению (*на голодные зубы; (у кого) губа не дура*). Другая функция рук – жестовая, осмысливается как в связи с типичными, принятыми в культуре ритуалами, так и в качестве фона для раскрытия девиаций социального поведения. Под жестом рукопожатия подразумевается заключение сделки (*по рукам*). Руки воплощают двойственность поступков: наряду с выполнением функции жеста, символизирующего следование религиозно-нравственным нормам (молитвенный жест креста), они становятся инструментом захвата чужой ценности, превращая сам жест в способ симуляции, внушения доверия (*одной рукой крестится, другой в чужую пазуху лезет*).

Надёжность человека или будущего мужа, подразумевающая также его материальное состояние, сравнивается с каменной стеной как прочным устойчивым сооружением (*как за каменной стеной*). В то же время утрата средств, капитала концептуализируется в виде картинки: разорившийся человек воспринимается как ничтожное, не имеющее и доли ценности и ассоциируется с прахом, вышедшим через трубу после того, как древесина прогорела (*в трубу вылетел*).

Двойственность корысти проявляется в целенаправленной деятельности двух сторон, каждая из которых обособляется и в то же время находится в зависимости от второй, и потому осмысливается как часть единой системы, подобной государственной со свойственной ей ступенчатой (само)регуляцией (*свою политику ведёт; свою статью гони*).

На основе концептуального анализа семантики ФЕ было выделено 9 классифицирующих когнитивных признаков, составивших ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии концепта «Корысть, расчёт». В ядро концепта (26,9%) вошли когнитивные признаки «Оценка чьего-либо материального положения» (*не горы золотые; в трубу вылетел; взять с него нечего*) и «Выбор способа действия/достижения цели: единоличное ведение дел или сотрудничество» (*свою политику ведёт; свою статью гони; по рукам-с*). Ближнюю периферию (23%) составляют когнитивные признаки «Оценка качеств, способностей человека, представляющих пользу, выгоду» (*зуба-то не дура!; как за каменной стеной*) и «Оценка противоречивости поведения человека: претензии на следование христианским ценностям превосходит стремление к личной выгоде» (*богу угодить на чужой счет [норовят]; одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет!*). Дальнюю периферию (19,2%) концепта представляют когнитивные признаки «Оценка степени ответственности за ситуацию, целесообразности участия в ситуации, (не)представляющей интерес, (не)обещающей выгоду» (*не по нашей части*) и «Оценка необходимости предусмотрительного поведения» (*в добрый час молвить, в худой промолчать*). В крайнюю периферию вошли признаки «Оценка степени пользы чего-либо/какой-либо деятельности для кого-либо» (*обеими руками ухватятся*), «Предположение о благополучном исходе дела/ситуации» (*Свои люди - сочтемся!*) и «Оценка выгоды, преимущества чьего-либо положения» (*на руку*).

Фразеологизмы, вербализующие концепт «Корысть, расчёт» в пьесах А.Н. Островского, имплицитно выражают дополнительные элементы концептуального смысла, что обуславливает присущий этим ФЕ двойственный характер концептуализации. В комплексе признаков концепта переплетаются различные сферы функционирования человека, ипостаси человеческого существования: мир материальных вещей, сферы человеческой деятельности, межличностные взаимоотношения.

В **четвертой главе** «Концептообразующее функционирование преобразованных фразеологических единиц в пьесах А.Н. Островского» рассматриваются ФЕ, подвергающиеся существенному видоизменению формы и содержания в речи различных персонажей. Это ФЕ, претерпевающие окказиональные трансформации, в результате которых образуется окказиональный фразеологический вариант или окказиональная ФЕ. Данная фразеология выступает особым индивидуально-авторским средством характеристики персонажей и передачи концептуального содержания пьес.

В **первом параграфе** описываются фразеологизмы с измененным компонентным составом. Данный тип трансформации представлен большей

частью ФЕ, претерпевающими замену компонента (I), и ФЕ с расширенным компонентным составом (II).

I. Замена компонента ФЕ сопряжена с рядом изменений семантической структуры, сказывающихся на концептуальном содержании ФЕ:

А) **Появление дополнительного семантического оттенка.** Компонент-субститут нередко становится семантическим стержнем трансформированных ФЕ, который, актуализируя свойственные ему оттенки, способствует в определенной степени обновлению семантики ФЕ, приобретению ФЕ концептуально значимых элементов смысла. Так, оборот *с тебя взыскать-то нечего!* (ср. с узуальным фразеологическим вариантом *что возьмешь с (кого/чего)*²²) имплицитно характеризует купца Торцова как человека, движимого корыстью, расчетом, стремящегося к извлечению пользы, выгоды для себя²³; оборот *потом да горбом* (ср. *потом и кровью*) раскрывает особенности трудовой деятельности лавочника Краснова - подчеркивает необходимость гнуть спину.

Б) **Качественные и количественные изменения коннотативного содержания.** Качественные изменения коннотации, возникающие вследствие замены компонента ФЕ, проявляются как в снижении стиля (ср. в узуальном употреблении *как будто громом оглушить/поразить* и в авторском употреблении *ровно [меня] громом ошибло*), так и приобретении оттенков возвышенной, книжной, поэтической речи (*сразил [он меня], как громом*), что позволяет раскрыть не только речевую манеру персонажей, но и особенности их мировосприятия. Фразеологический вариант в речи Пелагеи Егоровны *ровно меня громом ошибло*, актуализирующий оттенок безличного значения подчеркивает восприятие ею действительности как рока, преобладание в жизненных событиях воли судьбы, случайности, над волей человека; в то же время вариант *сразил [он меня], как громом* в речи Любима Карпыча характеризует его отношение к брату как к сопернику, оценку им сложившейся жизненной ситуации как развивающейся борьбы, противостояния сил, и, в тоже время, придает обороту возвышенно-драматический тон.

В) **Обновление образной основы ФЕ.** Обновление образной основы или внутренней формы ФЕ в пьесах А.Н. Островского, как правило, происходит посредством замены лексического компонента ФЕ словом, не являющимся его синонимом. Данная трансформация, наиболее характерная для фразеологических единств, сопровождается определенным стилистическим эффектом. В следующем употреблении слова Липочки выражают намёк на ее желание из чувства уязвленного самолюбия «сунуть в нос» Подхалюзину то, чего он, по его словам, не видит: [*Липочка:*] (*Подхалюзину*) *Как без*

²² См. толкование ФЕ в словаре С. И. Лубенской – разг., часто снисх. ‘о поведении или высказывании, типичном для какого-либо человека, так что нельзя ожидать от него чего-либо иного’. (Лубенская С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь. – М., 2004).

²³ Ср. также значение лексемы *взыскать* в составе данного оборота и устойчивого выражения *взыскать долг (с кого)*.

приданого? *Что вы городите-то! Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то, - в нос бросится*²⁴ (ср.: *бросаться в глаза* – ‘привлекать к себе чье-либо внимание, быть особо заметным’). Ассоциация, порождаемая внутренней формой ФЕ – акцентирование внимания на части лица собеседника – соответствует образу Липочки, которой свойственно придавать существенное значение внешнему виду. При этом лексическая замена *лицо* – *нос* служит выражению идеи приближения: расположение объекта относительно носа значительно сужает поле зрения. В результате, замена компонента значительно усиливает изобразительную способность образа, лежащего в основе фразеологизма.

Г) **Обновление звуковой оболочки ФЕ.** Способами обновления звуковой оболочки ФЕ служат различные виды повтора с использованием словообразовательных средств. Наибольшее количество параллельных повторов – 3, встречается в речи персонажей, представленной в стихотворно-песенной форме: *Сердечушко ноет, Ноет-занывает; [Мил про то не знает, Как] сердце страдает.* Корневой и синонимический повторы подчеркивает душевные свойства, объединяющие персонажей пьес, способных любить со всей силой и искренностью, – уязвимость, хрупкость, ранимость, способность быть поверженными в отчаяние, готовность пойти на смерть во имя любви или будучи не в силах терпеть разлуку. Лексема *сердечушко* – вариантное употребление компонента *сердце*, осмысливается как символ любви – чувства, составляющего для романтически настроенных персонажей А. Н. Островского (Митя и Любовь Гордеевна в пьесе «Бедность не порок», Надя в «Воспитаннице», Катерина в «Грозе») основу и смысл жизни, будучи неразрывно связанным с их стремлением к счастью²⁵.

Средством обновления звуковой оболочки выступают также звукоподражательные слова, заменяющие один из компонентов исходной ФЕ (*Бух [ему] в ноги!; бухнет [мужу] в ноги; ср. падать в ноги (кому)*).

II. Расширение компонентного состава способствует усилению отдельных компонентов фразеологического значения за счет усиленной экспрессии, преобразования коннотации фразеологизмов и обновления их образного плана. Добавочные (окаzionaliальные) компоненты в составе «расширенных» оборотов используются для интенсификации, конкретизации, актуализации определенных компонентов фразеологического значения. Частицы и местоимения не просто выступают одним из распространенных лексических средств расширения компонентного состава ФЕ, а актуализируют значимые элементы семантики этих оборотов, способствуя раскрытию образов персонажей и реализации концептуального содержания пьес (*[я бы] во всякую науку пошел; Что ж такое за важность!*). При расширении компонентного

²⁴Островский А.Н. Свои люди – сочтемся. Действие 3, явление 5.

²⁵ Ср.: переносное значение лексемы *сердце* в словаре С. И. Ожегова: символ души, переживаний, чувств, настроений. *Отдать своё сердце кому-либо* (‘полюбить’). *Сердце сердцу весть подаёт* (разг. ‘о любящих, вспоминающих, думающих друг о друге’). и др. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. – Б.м., 2008. – DVD-ROM.

состава посредством прилагательного или существительного ФЕ приобретает дополнительные семантические оттенки, способствующие уточнению или расширению фразеологического значения (*слова (от него) не добьешься путного; поверил ...на божбу да на честное слово*).

Изменение компонентного состава ФЕ часто служит наделению образа конкретного персонажа/персонажей индивидуальными, только ему присущими признаками.

Во **втором параграфе** рассматриваются ФЕ, характеризующиеся изменением внутрифразовой сочетаемости. Изменение внутрифразовой сочетаемости у ФЕ в пьесах А.Н. Островского связано с просторечным употреблением фразеологии персонажами. При сопоставлении с близким литературным сочетанием данные ФЕ обнаруживают изменения, затрагивающие различные языковые уровни. Данный тип трансформации характерен для фразеологических сочетаний. Выделяются типы авторских преобразований (вариантов): лексические (ср. *одурь нашла - одурь возьмёт*), синтаксические (*быть в должности - у своей должности*), морфологические (*следовать моде - модами заниматься*), контаминированные (*сделать вид+следовать примеру - [хоть бы] пример-то [этот] сделала*). Подобные ФЕ отражают своеобразие мыслей, чувств, намерений персонажей: стремление проявить особое отношение, почтение к другим, напустить на себя важность.

В **третьем параграфе** рассматриваются фразеологизмы, образованные по моделям узуальных ФЕ. Эти окказиональные ФЕ способствуют раскрытию своеобразия мироощущения персонажей, их внутреннего конфликта, жизненной позиции. На уровне образности и общей семантики эти ФЕ сохраняют связь с ФЕ-«источником». Появление окказиональной ФЕ часто связано с преобразованием нормативного варианта ФЕ языка посредством замены компонента лексемой, способствующей привнесению в смысловое содержание ФЕ новых семантических оттенков и обновлению внутренней формы ФЕ (*дьявол под руку толкнет и говорить под руку; пуще роду, пуще племени и ни роду ни племени; не спросясь ума-разума и набираться ума-разума*). Субституция здесь промежуточная ступень в отличие от непосредственной замены компонента, конечный результат которой – окказиональный вариант ФЕ (но не окказиональная ФЕ). В результате трансформации ФЕ попадают в новый, непривычный для них контекст, что сопровождается неожиданным переносом характерных признаков или свойств с одного объекта на другой (ср. ФЕ *[что] горло пялишь!, лягушка (его) заклюй*). Окказиональная ФЕ, образованная на основе образа и семантики ФЕ языка, способна служить появлению другой окказиональной ФЕ - афоризма, реализующей более глубокое смысловое, концептуальное содержание (ср. ФЕ *на такую линию попал* и образованный на ее базе афоризм *попадешь на эту зарубку - не скоро соскочишь*). Разнообразие и оригинальность семантики и формы трансформированных ФЕ в пьесах А.Н. Островского, обуславливающие их особую роль в выражении идейно-концептуального содержания пьес, являются характерной чертой идиостиля драматурга.

В **заключении** диссертации обобщаются результаты работы, формулируются выводы и намечаются возможные перспективы дальнейшего изучения фразеологизмов в творчестве А.Н. Островского.

Базисными когнитивными структурами, в соответствии с которыми происходит организация концептуального содержания пьес А.Н. Островского посредством фразеологических единиц, являются сценарий и фрейм. Эти когнитивные структуры воплощают идейно-концептуальные полюса творчества А.Н. Островского-драматурга, авторский художественный способ концептуализации действительности. Сценарий служит концептуально-образным основанием для реализации типового фольклорного сценария, выступающего в драматургическом дискурсе А.Н. Островского своего рода символом патриархальной традиции, подчеркивающим проявление национально-самобытного в русской жизни. Фрейм выступает способом воплощения в пьесах конфликтного состояние старого и нового в русской культуре, идеи несовместимости личной воли с миром патриархальной идиллии. Такой способ концептуальной организации смысла составляет часть художественного метода А. Н. Островского.

Исследование позволило выявить ряд авторских приёмов, служащих способами создания концептуальных связей посредством ФЕ, за счёт которых происходит формирование целостного идейно-концептуального смысла.

1. Постановка ФЕ в сильной позиции в текстах пьес: употребление пословиц в качестве заглавий пьес, служащих концентратами идей-оценок в сопоставлении с драматическим действием, использование ФЕ в качестве важнейших смысловых звеньев фразеологических конфигураций, способствующих декодированию культурно-маркированного смысла фразеологизмов, усилению различных компонентов их семантики.
2. Использование ФЕ в роли концептуальных доминант, служащих объединению различных персонажей, раскрытию дискурсии художественных образов (ср. персонажей, ФЕ в речи которых репрезентируют базовые концепты русской культуры).
3. Формирование целостных тематических фразеологических пластов посредством употребления ФЕ в речи персонажа, характеризующих одну и ту же категорию признаков, служащих основой типизации (образ угнетаемой/бессильной женщины-матери – Пелагея Егоровна, Аграфена Кондратьевна), централизации образов персонажей с точки зрения их идейно-концептуального значения (художественный образ Катерины, реализуемый в теснейшей взаимосвязи с концептуальным образом тоски).
4. Использование комплекса фразеологизмов, имеющих общий компонент и/или характеризующихся близостью образных основ, служащих образованию сквозных концептуальных образов, реализация которых опосредована художественными образами (ФЕ с компонентом-соматизмом, репрезентирующие ключевые концепты в пьесах).
5. Формирование групп фразеологизмов реализующих противопоставленные категории признаков, способствующие созданию динамики концептуального образа – его трансформации (ср. трансформацию концептуального образа,

наблюдаемую при анализе категориальной структуры концепта «Самодурство»: человек – не человек – зверь).

6. Создание двумерного фразеосемантического поля / микрополя, в составе которого ФЕ помимо типовых представлений характеризуют признаки, актуализируемые за счёт буквального осмысления образа в основе ФЕ, или дополнительные, нетипичные, окказиональные признаки, способствующие членению художественной действительности, в которой функционирует персонаж, раскрывая особенности его внешнего поведения и внутреннего мира - идейно-концептуальное назначение персонажа (ср. ФЕ, репрезентирующие концепт «Корысть, расчёт»).

7. Семантические и структурно-семантические преобразования ФЕ: изменение компонентного состава ФЕ, служащее наделению образа конкретного персонажа/персонажей индивидуальными, только ему присущими признаками; использование одного индивидуально-авторского варианта в речи разных персонажей, создающего эффект единства их образов, усиливающего восприятия их речи как единого драматургического дискурса; нарушение внутрифразовой сочетаемости, способствующее имплицитной характеристике признаков, передающих интенции персонажа или его скрытые внутренние черты; создание индивидуально-авторских ФЕ, характеризующих окказиональные признаки, придающие особый характер описываемым событиям, ситуациям.

Способы создания концептуальных связей посредством ФЕ в пьесах А.Н. Островского, определяются полифункциональностью фразеологии – единством её текстообразующей, жанрообразующей, стилеобразующей и концептообразующей функций, и служат реализации концептуального потенциала фразеологических единиц.

Проведённое исследование открывает перспективы комплексного анализа фразеологических единиц, основанного на их свойстве полифункциональности, в произведениях других русских драматургов, в русской художественной литературе. Результаты работы могут быть использованы для составления идеоглоссария пьес А.Н. Островского. Разработанная методика анализа концептообразующей функции фразеологических единиц может быть использована при сопоставительном анализе фразеологизмов и их иноязычных коррелятов в переводах пьес А.Н. Островского, при поиске приёмов и способов достижения наибольшей адекватности перевода с учётом особенностей концептуального содержания произведений.

Публикации в изданиях, включённых в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК РФ:

1. Кустова* Л.С. Фразеология как средство речевой характеристики персонажей в драматургии А.Н. Островского (на материале пьес «Свои люди - сочтемся» и «Воспитанница») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - 2007. - № 4. - С. 131-135 (0,2 п.л.).

* Фамилия Кустова была изменена на фамилию Наградова в связи со вступлением в брак (свидетельство о браке I-ГО № 557182).

2. Кустова Л.С. Функционирование прагматического компонента фразеологического значения в диалогической речи драматического произведения (на материале пьес А.Н. Островского) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - 2008. - № 2. – С. 117-119 (0,2 п.л.).
3. Наградова Л.С. Особенности концептуализации понятия «русская душа» посредством ФЕ с компонентом душа в пьесах А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - 2009. - № 1. - С.81-85 (0,2 п.л.).
4. Наградова Л.С. Особенности фразеологической репрезентации концепта «Воля» в пьесах А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 180 – 182 (0,2 п.л.).

Публикации в других изданиях:

5. Кустова Л.С. О национально-культурном компоненте в семантической структуре соматической фразеологии (на материале пьес А.Н. Островского «Гроза» и «Бедность не порок») // Диалог культур – культура диалога: материалы международной науч.-практич. конф. – Кострома, 3-7 сентября 2007г. / отв. ред. Л. Н. Ваулина. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. С. 203-206 (0,2 п.л.).
6. Кустова Л.С. Фразеология как средство вербального выражения русской духовности и речевой характеристики персонажей в драматическом произведении (на материале пьес А.Н. Островского «Гроза» и «Бедность не порок») // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. статей. В 2ч. Ч.II / науч. ред. В.Ю. Лебедев; отв. ред. А.К. Котлов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – С. 189-194 (0,3 п.л.).
7. Кустова Л.С. Концептуальное содержание фразеологических единиц, отражающих взаимоотношения и отношение к жизни представителей имущих сословий и простонародья в пьесе А.Н. Островского «Грех да беда на кого не живет» // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. - 2007. - № 3. – С. 106-107 (0,2 п.л.).
8. Кустова Л.С. Роль фразеологии в характеристике речевой стратегии и создании речевых портретов персонажей пьес А.Н. Островского // Современные проблемы социально-гуманитарных наук: материалы Всероссийской науч.-прак. конф. 8 – 9 декабря 2007 г / сост. С. К. Булдаков. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – С. 265-274 (0,45 п.л.).
9. Кустова Л.С. Репрезентация концепта «тоска» посредством фразеологических единиц в пьесах А.Н. Островского // «Фразеология и когнитивистика»: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 г.): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 1. Идиоматика и познание. – С. 200-203 (0,2 п.л.).
10. Мелерович А.М., Наградова Л.С. Особенности функционирования индивидуально-авторских фразеологических единиц, построенных по моделям языковых фразеологизмов в пьесах А.Н. Островского // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конф., Кострома, 25–26 марта 2010 г. / сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С 356 – 362 (0,4 п.л./авторских – 50%).